

АЛЕКСЕЙ СТОПИЧЕВ

ВРЕМЯ

Z

ШАГНУВШИЕ
В ВЕЧНОСТЬ

Алексей Александрович Стопичев

Шагнувшие в вечность

Серия «Время Z»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74348481

*Шагнувшие в Вечность: АСТ, Издательский дом «Ленинград»; Москва;
2026*

ISBN 978-5-17-189294-4

Аннотация

«Шагнувшие в вечность» – это книга, от которой невозможно отстраниться. В ней нет выдуманных героев. Здесь – живые люди: бойцы, врачи, полицейские, волонтеры, священники, спасатели, строители, аграрии и жители приграничья. Те, кто каждый день делает выбор – остаться, помочь, спасти, защитить, не сломаться.

Это книга о Белгородчине, которая живет под ударами, но не склоняется. Она о человеческой высоте, о любви к родной земле, о вере, стойкости и внутреннем выборе. О тех, кто в тяжелое время не отступил, не отвернулся и не спрятался. Каждый герой – напоминание о том, что мужество не всегда громкое. Иногда оно тихое: подать руку раненому, вывезти ребёнка, остаться у храма, выйти в поле, зажечь свечу у памятника.

Ее читают не ради красивых слов. Ее читают, чтобы помнить. Чтобы понять цену стойкости. Чтобы увидеть настоящих героев рядом с нами.

Содержание

От автора	6
Рассказы	8
Алешка	8
Промокшие плащи героев	12
Лимит везения...	17
Никто не склоняется!	22
Возле «ноля»	29
Крокодиловы слезы...	31
Мама	33
277	35
Живи, Белгород	37
Росток	39
Суд	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Стопичев

Шагнувшие в Вечность

При оформлении издания использованы фотоматериалы РИА Новости Медиабанка (Сергея Бобылева), Панкова Дмитрия, Осиповой Натальи

© Алексей Стопичев, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Эта книга – не просто сборник рассказов. Это живая летопись нашего времени. Читая ее, чувствуешь, будто сам идешь по улицам Шебекино, стоишь рядом с кровельщиками на разбитой крыше, дышишь одним воздухом с ранеными в госпитале.

Она не о войне. Она – о людях. О тех, кто остался человеком в аду. Об Алешке, который не может говорить из-за осколка в горле и который стал тихим ангелом для других раненых. О враче Денисе, научившемся отключать чувства, чтобы спасти детей. О старике Кузьмиче, которому страшно, но он все равно каждый раз садится за руль, чтобы вывести людей из-под обстрела.

– А страну ведь кормить надо, ведь так? – не ожидая от-

вета, Михалыч тут же заговорил: – Мне моя все талдычит: давай уедем! А куда мы поедем, если это земля наша? А работать тут кто будет, если все разъедутся?

Эта книга – оголенный нерв жизни. Она о том, на чем земля наша держится – на тихой ежедневной стойкости простых людей: санитарок, трактористов, учителей, священников. На их выборе – остаться, помогать, не согнуться.

Читаешь и испытываешь безмерную гордость и щемящую боль. Гордость – за людей, обыкновенных героев, которые свой ежеминутный незаметный героизм не считают за подвиг. Боль – за то, что им пришлось через все это пройти и не по своей воле.

Эта книга – памятник тем, кто шагнул в вечность, и тем, кто, стиснув зубы, продолжает жить, строить и верить. Я уверен, что Алексей, вспоминая встречи с героями своих рассказов, как нормальный мужчина, плакал. Я тоже, когда читал. Но такая жизнь у военкоров, у журналистов – плачьте, но снимайте! Плачьте, но пишите! Чтобы читали. Чтобы знали. Чтобы помнили.

*Дмитрий Чирков, кинорежиссер, член
кинематографистов РФ*

От автора

В нашей стране в ноябре отмечают великий праздник – День Героев Отечества. Именно так, с большой буквы и с чувством восхищения теми, кто шагает в бессмертие. Это Герой России Владимир Бурцев, мой земляк, который, оказавшись окруженным боевиками, вызвал на себя огонь. Это Вячеслав Воробьев, тоже вызвавший на себя огонь, чтобы спасти своих боевых товарищей. Это Алексей Осипов, погибший при защите Красной Яруги. Это многие-многие другие. И в этом смысле для меня важны не только официальные звания и награды. Для меня герои – и ребята из ОДОНа, с которыми мы работали на сватовском направлении. И артиллеристы, таскающие тяжеленные снаряды для своего «Гиацинта» и бьющие врага прицельно и люто, а потом греющие замерзшие руки у небольшого костерка. Герои – саперы, с которыми работал, а после пил чай в блиндаже на харьковском направлении. Водители, которые под обстрелами и атаками везут нужное фронту. Бойцы «Орлана» и «Барса», которые изо дня в день спасают наши жизни, работая на самых опасных направлениях. Для меня герои – жители приграничья, не просто оставшиеся в своих домах, но продолжающие работать на благо Родины. Я считаю, что мне в этом плане очень повезло – я лично вижу их служение и могу рассказать о нем. Чтобы это все не было забыто, а их подвиг остался в

веках, как подвиг ратников Дмитрия Донского и Александра Невского. Работайте, братья! И с праздником вас, всех, шагнувших в вечность!

Рассказы

Алешка

Алешка шаркал своими слюдяными тапочками по полу и вдруг понял, что перестал ощущать госпитальный запах. Хотя в первый день запах этот – гноя, крови, пота и лекарств – преследовал его. Был таким густым и насыщенным, что казалось, возьми нож – и можно его резать. Он въедался и подавлял своей безысходностью. Запах этот был олицетворением боли и страданий, с которыми сталкивались бойцы. Он впитывался в одежду и даже в кожу. Но уже на второй день запах становился терпимым, менее заметным. А потом наступал момент, когда запах этот и не ощущался вовсе. И только когда выходишь на улицу – свежий воздух дурманил, врывался в легкие неистово и бесцеремонно, и вспоминал Алешка, что в госпитале запах совсем другой.

Так, кстати, было и при первом ранении, еще когда Алешка служил в «Вагнерах». Когда после ранения везли его обесиленного, с дергающей болью, он мало что понимал и ощущал. Но, оказавшись в госпитале, сразу же почувствовал этот запах. И подумал тогда со странным удивлением, что запах этот несет и успокоение. Что все хорошо будет теперь. Ведь есть врачи и медсестры. Они позаботятся и спасут...

Тогда, вернувшись домой в свой родной Новохопёрск, после ранения, Алешка рассказывал матери, что все хорошо. Что теперь уж точно ничего не случится. И когда подписал контракт с Министерством обороны, виновато, но твердо сказал:

– Мама, я там нужен!

Лешка верил в это искренне и яростно. Потому что видел, во что превращают селения украинские боевики. Потому что вывозил из-под обстрелов мирных жителей, а потом делился с ними своим пайком и успокаивал, рассказывал, что теперь уж точно все будет хорошо. А еще он верил, что нужен – стране, людям. И старался быть нужен во всем, еще со школы. И если просили его – никогда не отказывал.

Алешка подошел к столовой и написал в телефоне: «Дайте два чая». Санитарка встретила Алешку доброй улыбкой. Они привыкли к этому молодому мальчишке с раной рта и горла. Он не говорил, но его искалеченное лицо всегда улыбалось глазами и лучиками рано появившихся морщинок. Санитарка, подслеповато щурясь, прочла надпись и быстро налила два стакана чая. Алешка прижал к груди ладонь и пошаркал назад, в палату, где его ждали раненые товарищи.

Одному из них – танкисту с ожогами рук и ног – Алешка отдал свои мягкие тапочки, легкие и удобные, а сам ходил теперь в дубовых, слюдяных. Увидел, как танкист пытается дойти до туалета, морщась на каждом шагу, остановил знаками и предложил поменяться. Танкист отнекивался, но

Алешка приложил руку к груди и посмотрел так красноречиво, что танкист согласился.

— Где наш Алешка? — услышал Леша голос девочки-волонтера и поспешил туда, в палату. «Наш Алеша» его называли все — раненые, волонтеры и даже медперсонал. Врач, накладывающий на рот Алексея швы, просил его:

— Дружок, нужен покой, понимаешь? Просто покой. А как чуть заживет — удалим мы тебе осколок из горла!

И начинал рассказывать что-то про магистральные сосуды, щитовидку и нервы. Алешка кивал и улыбался глазами и лучиками рано появившихся морщинок. Но как только врач уходил, обязательно кто-то просил водички или чая, или вынести утку. И Лешка вставал, надевал свои слюдяные тапочки и шаркал по всем этим важным и нужным делам. Ему было немного стыдно, что у него, в отличие от многих, и руки, и ноги целые. И внутренности на месте. Вот только проклятый осколок, пробив рот, застрял где-то в горле и сидел там, мешая есть и пить... Зато он не мешал ходить, и Алешка бегал с утра до вечера, помогая другим раненым. Так как говорить пока Алешка не мог, наловчился на смартфоне своем писать короткие сообщения. Попросит кто-то из больных сигарету, Алешка напишет: «Сигаретки не будет?» — и к курящим. Те прочитают, кивнут и, уперевшись в костыль, достают сигарету, а то и пачку целиком протягивают. Но Лешка головой покачает, возьмет одну и бежит довольный, шаркая своими слюдяными тапочками по полу, стараясь быть полезным да-

же здесь, в госпитале.

Раненые и медики так привыкли к тихому и незаменимому Алешке, что казалось – он часть этого госпиталя. А он, молчаливый и предупредительный, ходил из палаты в палату и слушал бойцов. И им это тоже было очень нужно. Когда Николай, лишившийся ноги, долго рассказывал о девушке, осторожно трогая пальцами культю, он в Лешке находил не просто слушателя. И спрашивал осторожно, боясь спугнуть что-то:

– Как думаешь, Леш, примет такого?

И Алешка кивал, тихо, но твердо. И прямо смотрел в глаза Николаю, чтобы тот даже не сомневался: примет! И Николай верил, улыбался счастливо и засыпал впервые за много лет спокойно. И так же спокойно засыпал Алёшка, зная, что опять оказался нужен.

Умер Алешка под утро. Во сне. Двинулся осколок, и... Даже не поняв, что произошло, не успев испугаться, умер Алешка так же тихо, как жил последние дни. А на лице его разгладились рано появившиеся морщинки...

Промокшие плащи героев

Мы стоим на крыше, и Васильич тычет пальцем влево и вниз, в направлении частного сектора:

– Туда прилеты были вчера! Так шарахнуло! Мы думали, по заправке прилетело, но потом нет, смотрим, по жилым домам.

Васильич – бригадир кровельщиков. В возрасте, коренастый мужик со шрамом на лице. Говорит быстро, громко и объясняет также:

– Тут, видишь, после прилета мало того, что крышу разнесло – еще и загорелась она!

Закопченные трубы дымоходов торчат в небо почерневшим кирпичом, подтверждая слова бригадира. Но две трети крыши уже восстановлено. Свеженькие стропила, перехлестнувшись в центре крыши, затянуты какой-то особо прочной пленкой. Васильич хромает по плитам и притоптыкает ногой:

– Торопимся. Если не затянуть крышу – затопит людей! В воскресенье ливеньяка такой был – промокли все, но до четырех работали!

Бригадир отсюда, из одного из приграничных сел Шебекинского округа. И бригада вся местная. Оттого и стараются, как для себя. Сегодня сюда прилетело, а завтра уже к каждому из них может.

– У меня вон, вообще, 17-летний пацан работает! По крыше скачет, наравне со всеми трудится. Понимает, что надо сделать. Молодой, а с понятием уже...

Мы приехали к этим кровельщикам после двух адресов в Шебекино. На одном адресе в частном секторе мужчина и женщина подробно рассказывали, как летели артиллерийские снаряды в их жилой квартал. Квартал, где никогда не было военных. А они в это время прятались и молились, как все шебекинцы. На протяжении вот уже двух с чем-то лет. Через двор от них владельцу не повезло: в его дом дважды прилетели вражеские снаряды. Вначале разбили крышу, а потом и вовсе обрушили полдома.

– А нам повезло, – говорит мужчина, – снаряд упал подальше от дома. Выбило стекла в сарае и времянке, а дом только осколками посеколо. И крышу тоже...

Я уже не спрашиваю шебекинцев, что они думают по поводу украинских военных, прицельно бьющих по мирным кварталам. Мысли всегда одни. И не всегда цензурные. Но в глазах жителей вместе с усталостью еще и решимость. И фразу про то, что Шебекино не склоняется, они говорят угрюмо, но твердо...

Возле многоквартирного дома женщина, узнав, что мы журналисты, начинает с нами беседовать. Рассказывает про восстановление, про то, как ездит в Белгород на перевязки. Шестнадцатого октября она возвращалась из магазина, когда ВСУ очередной раз ударили кассетными снарядами по горо-

ду. В итоге женщина получила ранение ноги. Говорит безо всяких эмоций, спокойно, как об обыденном:

– Вы знаете, я даже боли не почувствовала. Будто толкнуло ногу. Хорошо, женщина шла из этого дома, увидела кровь, вызвала скорую, и меня в больницу отвезли.

А потом она подробно рассказывает, что один осколок прошел навывлет. А второй застрял в ноге, и врачи не стали его вытаскивать. Сказали, что очень уж глубоко. Я не перебиваю, киваю и внимательно смотрю. Людям надо выговориться, потому даже на конкретный вопрос они не отвечают, а рассказывают свое. Наболевшее.

Мы переезжаем еще к одному дому, а я внимательно смотрю по сторонам: на затянутые мешками окна, на бетонные укрытия и плиты, на хмурый осенний город, сжавшийся в ожидании очередного и уже привычного удара. Нацисты удары комбинируют, и вслед за кассетными снарядами летят дроны-камикадзе. Как в многоквартирном доме, куда мы заехали в самом начале. Бьют хитро и подло: один дрон разбивает окно, а второй влетает внутрь, чтобы нанести максимально разрушений. Чтобы по максимуму погибших и раненых среди мирных жителей.

Канонада не смолкает, но пока слышим выходы, более-менее спокойно. Но вот появляется новый звук – прилета, звонкого и дребезжащего.

– Далеко, на окраине где-то, – говорит мой коллега, тоже услышавший прилет.

– Ага, – киваю я. И мы молча переходим поближе к подъезду. В эти кварталы летит постоянно, и если начнутся разрывы, надо быть поближе к укрытию.

А если не ракета летит, то подъезд спасает. Это ракета сложит подъезд, как было здесь, в Шебекино, или в Белгороде. А кассетные боеприпасы страшны на открытой местности, и любое укрытие спасает от них. Хотя после их прилета другая опасность – суббоеприпасы. Это мелкие кассеты, разбросанные на огромной территории. Последний год в Шебекино и по всему приграничью таких кассет после каждого обстрела огромное множество. Заметить их трудно, а вот лишиться ноги или руки – очень даже легко. Потому, когда работаем по приграничью, на клумбы и прочее вообще не заходим. Только асфальт. Только там, где хорошо видно.

А я опять вспоминаю бригаду кровельщиков, с которыми общались полчаса назад, и невольно улыбаюсь. С Васильичем, кстати, нам очень повезло. Он подробно рассказывает о восстановлении. Любовно похлопывает по кровельной конструкции и гордо говорит:

– Все вот это мы зашили, все пеной прошли! – Ни капли дождя не протечет! – и требует: – Поднеси руку!

Я подношу, и он спрашивает требовательно:

– Чуешь хоть малейший сквозняк? Ну хоть малейший?

Я отрицательно качаю головой, и он говорит успокоенно:

– То-то же! Для людей делаем! Понимать надо! – и говорит просительно: – Ты про ребят! Про ребят расскажи глав-

ное! Какие молодцы! Землячки мои. И сними их, как работают!

– А вы, – спрашиваю, – прямо под ливнем работали? Не бросили?

– А куда же деваться? – обстоятельно говорит Васильич. – Работали. Вон, плащи у нас у всех. Только и в плащах промокли насквозь. И сапоги полные воды были!

– Так чего не перестали работать?

– Мы только когда обстрелы начинаются – перестаем. И вниз спускаемся, – строго посмотрел на меня бригадир. И поясняет чуть мягче: – А от ливня еще никто не помер!

Когда я спускался с крыши, то подумал, что в этом городе есть герои. И они по классике носят плащи. Пусть плащи эти и промокшие насквозь от осеннего ливня...

Лимит везения...

Мир вокруг Сереги взорвался, и на участковых обрушился страшный грохот. До звона в ушах, до ноющих зубов. А машину заволокло едким, кисловатым дымом с запахом взрывчатки и пороховых газов. Взгляд выхватил развороченный металл автомобиля да стонущего коллегу. Капитан почувствовал, как что-то толкнуло в ногу, но даже посмотреть не успел, так как Виталик из теробороны заорал хрипло:

– Из машины!

И участковый вывалился из дыма наружу, под предательски чистое, голубое небо.

– Разделяемся! Еще дрон! – заорал Виталик и кинулся в посадку. За ним рванули и двое участковых. Уже под деревьями Серега увидел, что Сашка в крови весь. Быстро раскрыл аптечку и стал бинтовать коллегу: нога, бок. Серега мотал бинты, затягивал потуже, отмечая, что кровопотеря умеренная, значит, вены и аорты не повреждены. А потом Виталик ткнул в участкового пальцем:

– Да ты тоже ранен!

Серега опустил вниз глаза и увидел, что штанина запачкана кровью, хотя боли не чувствовалось совсем. Быстро пощупал ногу, определяя, где рана, и рванул зубами пакет с бинтом. И пока мотал, в голове билась одна мысль: «Живы-живы-живы».

А потом – свист боеприпасов и разрывы. Совсем рядом. Где-то за деревьями. И крик Виталика:

– Валить надо! Тут уничтожат! Прицельно бьют!

И они побежали от посадки в село. Серега почти не чувствовал онемевшую ногу, гудела голова и ломило зубы, в ушах стоял звон, но он бежал, пригибаясь, какими-то инстинктами находя правильное положение. И ввалился за Сашкой в старый сарай. В звенящей тишине, которая особенно ощущается после грохотов, второй полицейский зашептал Сереге:

– Дрон-разведчик повесили над нами! Уходить надо, иначе хана!

И добавил непечатное. А Серега, привалившись к стене, читал молитву, а в голове пульсировало «жив-жив-жив». И начались гонки со смертью...

Вначале прилетел фпв-дрон и ударил в сарай, где они сидели. И полицейские побежали дальше. Успели как раз вовремя, так как в район сарая полетели тяжелые натовские снаряды. А они, оглушенные, засыпанные пылью, вбежали в дом и затаились, прислушиваясь, стараясь понять, увидел ли их вражеский разведчик. А Серега твердил:

– Вот и закончился лимит на везение...

Участковому действительно везло. Еще в марте, в самом начале спецоперации, когда эвакуировал жителей из Нехотеевки, попал под обстрел. И первый самый обстрел этот запомнил ярко, четко. Будто фильм в хорошем качестве. Как

свистели снаряды и рвались, а он грузил людей в машину и вывозил из опасного места.

И потом, когда вывозили людей из другого села, ждали с начальником отдела паузы между разрывами. И ныряли в село на легковых машинах, мчались на скорости и забирали очередных жителей. Серега запомнил дорогу, летящую под колеса. Адреналин и испуганные глаза людей, ныряющих в салон авто с какими-то сумками, узлами. И их глаза после того, как вывозили их из-под обстрела...

Вспомнил поселок, где прятались в подвале, а наверху был настоящий ад и каждые две минуты раздавался взрыв. И капитан, в промежутках между обстрелами выскакивал на улицу, чтобы посмотреть, не пострадали ли гражданские. Выскакивал, быстро оглядывал все вокруг и снова бежал вниз. И как не успел очередной раз. Услышал свист снарядов и понял, что катастрофически не успевает в подвал, который и был-то шагах в десяти от него. Как упал на асфальт и вжился в бордюр, чувствуя каждой клеточкой своего тела нарастающий гул тяжелого натовского снаряда. И грохот. И приглушенную взрывом радость, что жив.

Тогда и подумал первый раз про лимит везения. Есть ли он? И если есть, то какой, кем отмерен и по какой шкале. А теперь, сидя в доме и слушая разрывы, глядя на забинтованного Сашку, понимал, что их лимит исчерпан.

А потом, когда снаряды вновь стали ложиться рядом, они поняли, что их бегство в дом заметили, и вывалились на ули-

цу, вновь пытаюсь уйти от дрона-разведчика. И бежали, вдыхая пряный запах свежих, никем не скошенных в брошенном селе трав. И падали в эту траву при очередном разрыве. И Серега вдыхал запах травы, пьянящий, будто запах самой жизни. И чувствовал, как примешивается к нему запах крови и пороха...

– Охотятся, твари, – сплюнул Сашка. – Как зверей гонят!

И проговорил тоскливо:

– Где же разведчик висит?

И вновь бежали участковые. Падали в траву, заскакивали под деревья. А потом ввалились в какую-то хозпостройку. И Серега вспоминал сегодняшнее утро, как позвонила ему семья из Красного Хутора и попросили их вывезти.

– Да мы же вас эвакуировали! – удивился участковый, который лично вывозил людей из села.

– Мы опять вернулись, – проговорили на том конце. – Тут же тише стало вроде...

«Вот тебе и тише», – подумал участковый, прислушиваясь к разрывам.

– А дальше бьют от нас! – свистящим шепотом сказал Сашка. – Неужели потеряли?

– Дай Бог, – перекрестился участковый.

Когда закончились разрывы, Серега прислушался и сказал:

– Вроде голоса в посадке! Пойду проверю! Не выберемся – нам хана!

Перекрестился и кинулся под деревья, пригнувшись, петляя. И только в посадке распрямился. И действительно услышал, что говорит кто-то.

От потери крови, от слабости кружилась голова, но капитан стиснул зубы и шел между деревьев на голоса. И увидел двоих военных. А после, как во сне, тащили из окна дома израненного Виталика, который уже совсем ослабел. Потом по посадкам уходили к позициям, к границе. И военные помогали полицейским и тероборонцам. И удивлялись, как продержались в селе под прицельным огнем пятеро отважных белгородцев. И только тогда Серега узнал, что они в селе пробыли целых пять часов...

Капитан совсем плохо запомнил эвакуацию, а затем больничные коридоры, операцию. Уже позже, в больнице, куда к Сереге приехала жена, он обнял ее и почувствовал запах травы: свежей, пьянящей, пусть и пропахшей гарью и порохом...

Никто не склоняется!

Шебекинский городской округ, село Новая Таволжанка. Здесь не увидишь ни неторопливо прогуливающих людей, ни бабушек, мирно беседующих на скамеечке, ни беспечно играющих в песочнице малышей. Местные жители, если им куда-то надо, стараются максимально быстро переместиться из точки А в точку Б. Село каждый день подвергается атакам со стороны ВСУ: артиллерийским обстрелам и ударам ФПВ-дронов.

Тем не менее село живет. «Белгородские известия» поговорили с жителями приграничного населенного пункта, которые рассказали, почему можно с полным основанием считать, что Новая Таволжанка не склоняется.

На въезде в село нас встречает глава Новотаволжанского сельского поселения Сергей Парика. Крепкий, кряжистый и невероятно конкретный. Сразу переходит к делу и спрашивает, что интересует. Пока объясняем, поглядывает на дрон-детектор, которым оснащены все главы приграничных сел. Без него сейчас никуда, потому как дроны летят в село практически ежедневно.

До специальной военной операции в Новотаволжанском сельском поселении проживало 6106 человек. В их числе жители самой Новой Таволжанки, Архангельского, Нехотевки, Коровино и Шамино. Сейчас осталось около трех ты-

сая. Оставшиеся люди, несмотря на сложную оперативную обстановку, уезжать не намерены.

– Люди уехали, конечно, но половина осталась. Жители свои дома не бросают, переживают. Им уехать тяжело, – объясняет Сергей Васильевич и тут же показывает на рабочих, затаскивающих лист шифера на двухэтажный дом: – Вот, смотрите, восстановление. Ребята за два дня практически перекрыли крышу.

Мы выходим из машины и идем к восстанавливаемому дому. Кроме крыши, которую уже практически доделывают, пострадал и фасад. Глава села показывает разлохмаченный кирпич – именно туда пришелся удар вражеского дрона.

– Как у людей с лекарствами, продуктами? – спрашиваю главу.

– Две аптеки у нас – обе работают, – отвечает Сергей Парика. – Плюс пять магазинов, в том числе большой супермаркет. Маркетплейсы тоже открыты, люди получают заказы.

Мы заходим в аптеку, и сотрудница встречает нас практически на пороге. Ольга Николаевна объясняет, что у них в наличии весь ассортимент товара:

– У нас все хорошо, мы работаем, люди есть!

– Народу много приходит? – спрашиваю сотрудницу аптеки.

– Сейчас добавилось, – рассказывает она. – Когда не было электричества, было потяжелее. Сейчас, слава богу, жить

можно. Детей, конечно, почти нет, выехали, потому что опасно.

– Какие самые востребованные препараты сейчас?

– Противовирусные.

– Не успокоительные?

– Успокоительные уже давно разбираются хорошо. Но именно сейчас, в сезон простуд, самые востребованные препараты – противовирусные.

В конце разговора Ольга Николаевна замечает, что живет здесь сорок лет и никуда уезжать не собирается, пока есть люди и пока их работа здесь нужна.

Сергей Парика показывает нам готовые для замены стеклопакеты. Восстановление домов в селе идет постоянно. После очередного обстрела глава и сотрудники администрации едут к людям, описывают повреждения, составляют акты, потом направляют туда подрядчиков. К сожалению, из-за огромного количества поврежденного жилья сейчас восстанавливают лишь контур – крыши, окна. Но глава уверен, что как только обстановка позволит, дойдут и до внутренней отделки.

– Где-то подрядчики делают паузы в день-два, когда громче становится. Но как только становится тише – тут же возвращаются и начинают опять восстанавливать пострадавшее жилье.

Мы едем дальше, и Сергей Васильевич рассказывает:

– Два магазина автозапчастей у нас работает, две станции

техобслуживания. Два магазина хозяйственных и строительных материалов.

Все будет хорошо!

На одном из магазинов окна заварены железными листами, на них надпись крупными буквами: «Все будет хорошо!» Мы останавливаемся, и глава объясняет:

– С этой надписью интересная история связана. Александр – владелец магазина – решил не закрывать окна мешками с песком, а подойти творчески. У него были листы железа, и он ими зашил окна. В селе чуть ли не паника началась: что-то Саня знает! И он, чтобы люди не волновались, сделал на окнах эту надпись. Теперь это наш девиз.

Сам владелец магазина вышел на улицу и спокойно рассказывает о себе:

– Я – коренной житель села. С женой воспитываем трех дочерей, работаем, живем здесь всю жизнь.

– Это вы надпись сделали?

– Да, – кивает мужчина и проговаривает: – Все будет хорошо!

Потом признается, что морально, конечно, тяжело из-за чувства постоянной тревоги. Но уезжать и бросать родное село Александр не намерен.

В соседнем продуктовом магазине продавец Галина с удовольствием показывает товар. На полках все: от свежего молока и хлеба до круп и консервов. На вопрос о том, как живет, отвечает:

– Тяжело, но живем, работаем. Нормально. Ассортимент у нас в магазине большой. Единственное – хозяева за товаром сейчас ездят сами, поставщики боятся приезжать. Стараемся, чтобы у жителей был выбор.

Потом Галина рассказывает нам о родителях, проживающих здесь, о том, что и сама не собирается выезжать. Люди в магазин идут, им нужны продукты. Потому работала и работать будет.

Мы едем в Архангельское – это село также входит в Новотаволжанское сельское поселение. И здесь, хоть и безлюдно на улицах, жизнь продолжается. В селе 660 человек по прописке. Сейчас – немного меньше, но полтысячи жителей остались. По улице едет трактор, который собирает мусор.

– Вывоз мусора у нас налажен, вся хозяйственная деятельность производится, как и до обострения оперативной обстановки. Сотрудники администрации, рабочие по благоустройству – все на месте, все выполняют свои обязанности, – объясняет Сергей Парика.

Мы заходим в продуктовый магазин, здесь тоже ассортимент радует глаз. Вместе с нами заходит мужчина и заказывает выпечку – пирожки с капустой и печенью.

– О чем с посетителями говорите? – спрашиваю продавца.

– У нас сейчас одни разговоры – об обстановке, – отвечает она. И тут в разговор включается покупатель, заказывавший пирожки:

– Нормальная у нас обстановка.

– Вы из этого села? Как вас зовут?

– Зовут Алексей Николаевич, вон мой дом напротив.

– Мы оптимисты, настроены всегда позитивно, чего и вам желаем! – говорит нам на прощание продавец.

После магазина мы едем с главой дальше, и я спрашиваю, не возникало ли у него мысли все бросить и уехать, забрав семью.

– Зачем? – спрашивает удивленно Сергей Васильевич.

– Опасно бывает, – говорю ему.

– Это не опасно, – отвечает глава. – Все хорошо.

Есть выражение, что из некоторых людей можно гвозди делать. Вот Парика, по отзывам местных, как раз из этой категории. На место обстрелов он выезжает вместе с экстренными службами. И всегда рядом, что бы ни потребовалось.

– Губернатор Вячеслав Гладков очень хорошо знает наши потребности, нашу ситуацию, – объясняет Сергей Васильевич. – Он постоянно к нам приезжает, общается с людьми лично. И это многого стоит. Во-первых, люди видят, что они не брошены, что власть действительно беспокоится. Во-вторых, благодаря общению губернатор очень помогает и в плане РЭБов, и в плане тележек для пожаротушения, и много еще чем.

Сергей Васильевич о себе практически не говорит, хотя он подвергнулся атаке украинского дрона и чудом выжил. Глава рассказывает о людях, о восстановлении, о губернаторе, который, несмотря на опасность, регулярно приезжает к

ним. Даже когда настаиваю и прошу рассказать о себе, отвечает:

– Стандартная работа главы сельского поселения. Условия немного нестандартные. У нас в сельском поселении повреждено было порядка 700 домовладений. Многие – не по одному разу. А у каждого дома сарай и летняя кухня. Итого на три умножай – больше 2 тысяч строений было повреждено.

Возле «ноля»

– Едем в Староселье, там совсем опасно, потому как оно на границе, и уже через 500 метров «ноль». Там работаем быстро, будет несколько минут, пока нас не заметят, – предупреждает глава.

Мы едем по улице, и глава буднично рассказывает:

– Улица Песчаная. Здесь почти все дома были повреждены. Вы обратите внимание на крыши – они везде новые, так как были перекрыты в рамках восстановления. Есть и полностью построенные дома взамен тех, что были разрушены прямым попаданием.

Мы заходим в гости к местной жительнице Галине Ивановне, спрашиваем, как живется.

– Нормально, – жизнерадостно отвечает она. – Живем! Бахает иногда. Пенсия приходит, лавка у нас есть, прямо под дом приезжает. Телевизор работает, свет есть. Если свет пропал – электрики молодцы, быстро делают.

Дом Галины Ивановны – с новенькой крышей, которую уже дважды перекрывали после обстрелов.

В Новой Таволжанке стоит мемориал защитникам села, погибшим здесь летом 2023 года. На гранитной плите надпись: «Вечная память и слава героям – защитникам земли русской», журавлиный клин и БМП. А еще – венок, цветы и окопные свечи.

– Каждый вечер местный житель Евгений выходит и зажигает окопные свечи перед памятником. И они горят всю ночь, – глухо говорит глава, обнаживший голову перед мемориалом.

Мемориал весь иссечен после вражеских атак. С сопредельной территории нацисты воюют не только с мирными, но и с памятью, атакуя раз за разом обелиск. Но местные жители вновь восстанавливают мемориал и ставят окопные свечи. И этот огонь – не только память, но и символ негибкости.

Крокодиловы слезы...

Редко лезу в геополитику, но тут даже я не смог остаться равнодушным – на Мюнхенской конференции зарыдал один немец по фамилии Хойсен. Сказал, что, мол, на Украине в результате конфликта мирные гибнут, а в России – нет. И слезу пустил, размазывая сопли по лицу, так расстроился потомок создателей рейха.

Причем эти слезы – крокодиловы, кристально подлые и незамутненные. Потому как именно Кристоф Хойсен до 2017 года возглавлял МИД Германии и помогал имитировать выполнение Минских договоренностей, а сам в это время вооружал Украину. Именно этот рыдающий потомок нацистов давал добро на уничтожение мирных людей в Донбассе и по всей Украине. Именно под его руководством Германия дала гарантии Януковичу, а потом нарушила эти гарантии. Но я сейчас даже не о политике, а о циничном заявлении фрица Хойсена.

Эта плачущая крокодиловыми слезами тварь (Божья) прекрасно знает, что воспитанные ими ВСУ воюют в первую очередь с мирными. Так было на Донбассе. Так происходит сейчас в Белгороде, Курске, Брянске. Это ВСУ вели массовый обстрел Шебекино и Белгорода, лупя кассетными ракетами по жилым кварталам. Это ВСУ направляют дрон-камикадзе на гражданские квартиры, дома и машины.

Это ВСУ используют мирных жителей как живой щит. Это выкормыши Евросоюза пытаются максимально убить, искалечить и запугать мирное население как у нас, так и в своей стране.

Мог ли Кристоф Хойсген об этом не знать? Не мог не знать, потому как именно европейским оружием убивают мирных под рукоплескания Евросоюза. Оттого его размазывание соплей по лицу даже не жалко – цинично! Так плачет крокодил, пожирающий жертву. Так рыдает немец, развязавший войну, поставляющий оружие нацистам и выдавливающий из себя слезы на трибуне в Мюнхене. Оттого, кстати, и охотятся нацисты за журналистами, потому что мы рассказываем, что они творят...

Конечно, это несбыточно, но я бы очень хотел, чтобы рыдающий немец вместе с женой и детьми оказался у нас, в Белгороде. Я бы лично свозил его в Новотаволжанку, Ясные Зори, Шебекино, Уразово. Подводил бы к людям, сидящим в подвале, потерявшим родных и близких из-за того, что ВСУ прицельно бьют по мирному населению, и говорил:

– Это немец Хойсген. Он саботировал мир и плакал оттого, что мирные люди в России не гибнут... А еще он один из первых в Германии требовал передачи немецких танков нацистам из ВСУ.

И посмотрел бы, как быстро немец заплачет уже по-настоящему...

Мама

Первым словом в жизни Насти было слово «мама». Она произнесла его тихо и буднично. Вот только сейчас еще пускала пузыри, агукала, болтала ручками и ножками и вдруг сказала: «Мама». Радости родителей не было предела. Они тут же стали наперебой разговаривать с дочкой, и Настя, глядя на родителей, вновь отчетливо проговорила: «Мама»...

Потом пошли другие слова. И сама Настенька пошла, а после и побежала. Вначале несмело, переваливаясь на пухленьких ножках, смешно расставляя руки. Но год от года ножки крепили, Настя становилась увереннее, родители счастливее. И в школу Настенька уже пошла уверенно, гордо вышагивая и держа за руки своих родителей.

В их селе первое сентября – всегда событие. Особенно когда твой ребенок идет в первый класс. Тут родители и с работы отпрашивались, чтобы привести ребенка в школу. Постоять на линейке. А потом идти со счастливой дочкой, держа ее маленькие ладони в своих руках.

Только толком поучиться с одноклассниками Насте не удавалось. Вначале объявили какую-то жуткую пандемию, и девочка сидела на дистанционном обучении. Правда, вечерами все равно выбиралась из дома и играла с одноклассниками. Тут, в селе, все друг друга знают, и поиграть всегда есть с кем.

Только-только убрали «дистант», и дети стали учиться, как началась специальная военная операция. И село Насти стали обстреливать. И вновь детей посадили дома, потому как снаряды летели в село. И часть снарядов ударили как раз по школе. Двенадцатилетняя Настя, рано повзрослевшая, слышала, как разговаривают родители и как папа, сжимая губы, рассказывал маме об ударах по городу. Били враги по физкультурно-оздоровительному комплексу, где занимались дети. Били по детскому магазину, по рынку, по школе. И рано повзрослевшая Настя все равно не могла понять, почему их, детей и мирных жителей, стараются убить...

Февраль был мягким, и девочка, засидевшись в доме, выскочила на улицу, чтобы позвонить папе, который был на работе. Она радостно рассказывала, как прошли сегодня уроки, и вдруг услышала свист снаряда. И почувствовала сильный удар сзади.

Первым словом в жизни Насти было слово «мама». И последним в ее жизни стало это же слово. Девочка тихо прошептала «мама» и упала на изувеченный снарядом двор. А папа, услышавший взрыв, кричал в трубку: «Дочка». Кричал, срывая голос, и чувствовал, как немеют от страшного предчувствия пальцы и холодеет что-то в районе груди...

На прошлой неделе в горсовете озвучили цифру: за 2024 год Белгород 277 раз подвергся обстрелам. 277 раз. За год. Причем, как вы помните, били нацисты не избирательно, но прицельно по мирным кварталам. Реактивными системами залпового огня чешского производства «Вампир», «Точка-ми-У», ракетами западного производства. И если в январе и феврале были хоть какие-то передышки, то вот март и апрель превратились в настоящий кошмар. В ад, к которому люди не могли привыкнуть. Потому как обстрелы шли один за другим. Ракеты рвались в мирных кварталах, и гибли-гибли мирные люди.

А мы ездили по городу в состоянии прострации и фиксировали, фотографировали, снимали видео. Говорили с людьми. Укрывались под обстрелами и вновь ехали. Я думаю, что белгородские журналисты тогда за несколько месяцев увидели столько, сколько другие люди за всю жизнь не увидят...

Но мне особенно врезался в память один случай. Тогда, после очередного обстрела, погибла женщина. И на место трагедии приехал ее сын с товарищем. Его подвели, показали мать, и он ее опознал. Потом вышел за ограждение и какое-то время стоял тихо. А после достал телефон и начал звонить матери, слушая гудки и повторяя:

– Мама, возьми трубку, пожалуйста! Мама, не молчи, возьми трубку.

Это было жутко. Это было страшно в своей абсурдности. Моя коллега просто заплакала. А друг парня пытался сказать, что мать его погибла. Что это ее тело лежит на асфальте возле иссеченной осколками машины. Но тот лишь отталкивал своего друга и вновь звонил, звонил, повторяя как заклинание:

– Мама, ответь, пожалуйста! Мама, возьми трубку!!!

Помню, я подошел к медикам со скорой помощи и попросил их помочь парню. И пока объяснял ситуацию, врач смотрел на меня дикими глазами. Город обстреляли несколько раз. Было, по-моему, пятеро погибших. Раненых – еще больше. Но медик услышал, понял и оттаял глазами. Сказал, что нужно успокоительное парню...

В 2024 году Белгород обстреляли 277 раз. Я запомнил каждый день с обстрелами. Каждое мгновение. Враги били не только по городу. Враги били в наши души...

Живи, Белгород

Примерно год назад Белгород стал подвергаться массовым обстрелам. Из дня в день. По несколько раз днём, ночью. Вначале нацисты били по расписанию, издеваясь, вселяя ужас. Потом стали менять время обстрелов. А мой город жил, несмотря ни на что. Люди поднимались и ехали на работу, прячась во время ракетных атак. Люди ходили в магазины, забегая во время очередного обстрела в подъезды, убежища... и собирали помощь фронту.

Нас хотели запугать, озлобить, уничтожить. А мы улыбались сквозь стиснутые зубы и выходили убирать город после обстрелов. Собирали волонтёрскую помощь и прятали в убежище женщин и детей. Город продолжал жить: в гари от огней пожарищ. В хрустящих под ногами осколках. Среди крови и горя, но город жил.

Даже когда, казалось, нет выхода и это навсегда, мы растягивали губы в улыбке и говорили встретившимся знакомым: – Рад, что цел!!! Вижу, что здесь...

И мы искренне просили друг друга беречься. Спрашивали, есть ли продукты, и завозили их, если знакомые не могли выйти из дома, боясь оставить детей. И город жил.

И сейчас город живёт. С опаской всматриваясь в небо. Прислушиваясь к любым звукам. И храня в небольших кладовых запасы продуктов. А ещё мы больше, чем раньше, на-

учились радоваться солнцу и небу. Ценить наши мгновения
И жить, несмотря ни на что...

Живи, Белгород.

Росток

Земля здесь черная, жирная, в эту зиму лишь изредка была покрыта снегом. Слишком часто летели сюда вражеские снаряды и ракеты. Утробно жужжа, пикировали на мирных жителей дроны-камикадзе. Взрывались громким хлопком, дырявя заборы, крыши, окна и стены. Решетили машины, делая их похожими на гигантские терки. Бывало, после прилетов таких дронов загорались дома и яростно пылали, унося гул огня далеко в небо. А пламя гудело радостно, сильно. Вольготно ему здесь жилось, потому как никто не отважился тушить подожженные врагом дома. Только приедет машина пожарная, как сверху пикируют на спасателей все те же самые дроны-камикадзе. Или сбрасывают опасные боеприпасы огромные восьмивинтовые коптеры, прозванные «Баба-яга». Потому, те немногие жители, что остались, смотрели на очередной пожар и молились, чтобы обнесла их доля и в этот раз. Не хотели уезжать с родной земли. И оставаться совсем неспособно было...

Они уже по звуку определяли, что летит в их село: дрон-разведчик либо камикадзе, мина либо снаряд. А когда раздавалось гудение «Бабы Яги», замирали, прислушиваясь, не над их ли домом зависла вражеская мерзость. Не им ли на голову сбросят «морковку» или зажигательную смесь. «Морковкой» — таким родным и мирным словом здесь называли

боеприпас от гранатомета. Он летел с вражеских дронов на дома, машины и взрывался. Если попадала «морковка» в капот – машина выгорала дотла, а от попадания боеприпаса оставалось на почерневшем железе круглое отверстие с расходящимися во все стороны дырочками-лучиками от осколков...

Земля, изрытая, обожженная, бывало, вздрагивала и от тяжелых артиллерийских ударов. Когда летели в село натовские стопятидесятипятимиллиметровые снаряды. Эти снаряды тяжело гудели и громко взрывались. Но вот на подлете их почти и не было слышно. Хорошо, если выходы засе-чешь по далекому бумканью, похожему на то, будто кнутом кожаным пастух щелкнул. А потом – томительное ожидание. Снаряды польские, подлые. Поляки их, как и мины, сумели так сделать, что нет свиста на подлете. И если не услышал выходы, то будто гром среди ясного неба – разрыв и грохот. И летят во все стороны смертоносные, горячие осколки, разя все на своем пути, будь то человек, сарай, дерево или животи-на. Даже залечь не успеешь, не то что спрятаться. А оскол-ки и вправду горячие. Пробовали сразу после обстрела под-нять и бросали быстро, такой прилетит – мало того, что ранит, еще и ожоги оставит...

Но подлее всего были мины, которыми усыпали село вра-ги. Прилетали сюда «лепестки». А под мирным и красивым названием – смертоносная зеленая мерзость, которую в тра-ве и увидеть невозможно. Наступишь на нее – взрыв, и счи-

тай, нет ноги. Так уже не один человек пострадал. И у них в селе тоже...

А еще прилетали «колокольчики». Натовская разработка: когда взрывается в небе снаряд, а землю с мирными жителями усыпают сотни похожих на цоколь боеприпасов. Удобряют землю смертью. И лежат, ждут любого приблившегося. Эти «колокольчики» тоже не убивают, но калечат сильно. Кузьмич пробовал поднять – так кисти лишился и глаза.

Это сейчас народ уже не спешит к незнакомому тянуться, а в начале войны всякое бывало. И осколки домой тащили, и обломки ракет. Потом уже, когда ВСУ стали прицельно по мирным бить, необходимость тащить осколки отпала. Нацисты этого добра в каждый двор сами приносили без счета, только успевай прятаться от подарков. А не успел... Хорошо, если ранит и в больницу поедешь.

А еще чернозем, веками бережно вспахиваемый людьми, принимал на себя кровь. И падали капли крови туда, куда ранее лишь пот пахарей и других тружеников капал. Как в тот день, когда пострадал от взрыва совсем еще маленький мальчик. Вышел во двор воздухом подышать, потому как в доме сидеть совсем невыносимо, и вздрогнула земля от сильного разрыва. Прилетел подлый снаряд, раскидал горячие осколки по двору. Сбил с ног мальчишку. И тот упал на землю, обагрив ее кровью, но не заплакал. Маленький, но такой упрямый, выученный войной стискивать зубы и терпеть.

Мать его громче орала, кляня врага, бьющего прицельно по мирным, а мальчишка еще и ее успокаивать успевал, зажимая и баюкая пробитую раскаленным осколком ногу. Вспокоились тогда родители, глава села, самооборона местная. Мальчишку перебинтовали и в больницу. А на месте прилета, прямо во дворе, осталась еще одна страшная воронка, освободившая землю из-под снега...

Но пришла весна, и снег стал таять повсеместно. Вначале истончаясь, а потом и вовсе отступая, высвобождая для солнышка чернозем. Во дворе зацвела травка везде, кроме воронки. И казалось, уже никогда ничего не вырастет здесь, в опаленном, исковерканном. Но однажды утром, почти в центре воронки, зазеленился, прорвался к солнцу маленький зеленый росток. А мальчик в это время в больнице встал с кровати и сделал первый шаг...

Суд

Лязгнула, закрываясь, дверь, щелкнул замок, и охранник произнес буднично:

– Руки!

Славик протянул ему руки и, когда охранник снял наручники, машинально потер запястья, усаживаясь на скамеечку и оглядывая через решетку зал суда. Справа на возвышении – стол судьи, куда он выйдет в неизменной черной мантии. И вновь будет говорить, вызывать свидетелей, обращаться к защите и обвинению. И время от времени спрашивать Славику. Славик сидел и воспринимал окружающее будто сквозь пелену тумана. У него уже несколько месяцев было чувство нереальности происходящего. Будто и не его крутили прямо на улице люди в камуфляже и балаклавах. Будто не ему зачитывал следователь подозрение и обвинение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.